

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Вопросы
ИСТОРИИ

№ 9 СЕНТЯБРЬ 1960 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОТСТАВАНИЯ РАЙОНОВ ОРОШАЕМОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К СЕРЕДИНЕ XIX века

И. Е. Шалашилин

В буржуазной исторической литературе широко распространены концепции, суть которых сводится к утверждению, что народы Востока до соприкосновения с народами буржуазной Европы на протяжении всей своей истории переживали своеобразный азиатский феодализм, характерной особенностью которого являлись абсолютная неподвижность, бесперспективность общественного развития. Основываясь на такого рода «теориях», буржуазные историки Запада пытаются представить порабощение, беспощадный грабеж и колониальную эксплуатацию народов Азии, Африки и Латинской Америки империализмом как единственный выход из туника, в котором они якобы находились. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин показали, что на Востоке действовали те же основные закономерности, по которым шло развитие и европейских стран, что народы Востока, как и народы Европы, прошли и проходят в общем одни и те же ступени общественного развития.

В этой связи представляет большой научный интерес изучение исторически сложившегося социально-экономического, политического и военного отставания некоторых стран Востока, которое сыграло решающую роль в превращении их в объект колониальной эксплуатации буржуазных государств Запада.

Однако указанное отставание в общественном развитии народов Востока нельзя возводить в абсолют, трактовать как полную неподвижность; оно имело относительный характер, и его следует понимать лишь как крайне замедленное развитие. Каждый народ в силу действия объективных экономических законов раньше или позже может своими внутренними силами преодолеть полосу относительного застоя и перейти в высшую, более прогрессивную формацию. Колониальное порабощение народов зарубежного Востока в общем сильно затормозило их движение по пути общественно-экономического прогресса. Народы Средней Азии после включения их в состав России также стали объектом колониальной эксплуатации. Однако, приобщившись к русскому революционному движению, в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции они сделали громадный скачок в своем развитии, превратившись в передовые социалистические нации.

В начале второй половины XIX в. у народов Средней Азии господствовал феодальный способ производства, который, несмотря на свои специфические черты, в главном, основном был тем же феодализмом, который в различных формах пережили и народы Европы. Господствовавший здесь феодальный экономический строй был одним из конкретных проявлений тех «бесконечных вариаций и градаций» одного и того же экономического базиса, на которые указывал К. Маркс и которые, как

он предупреждал, можно понять лишь при помощи анализа конкретных внутренних и внешних условий развития каждого народа¹.

Всякое преувеличение особенностей существовавшего в районах орошаемого земледелия феодального способа производства ведет к возрождению справедливо раскритикованной в свое время теории «азиатского способа производства», главная ошибка которой заключалась в отрицании того, что народы Востока прошли одни и те же ступени развития, развивались по тем же законам, что и народы Европы.

Отдельные советские историки до недавнего времени высказывали мнение, будто к моменту присоединения к России Средняя Азия находилась в состоянии абсолютного застоя². Подобная точка зрения не верна теоретически и находится в противоречии с историческими фактами. Упадок, наблюдавшийся в Средней Азии, во второй половине XVIII в. сменился заметным подъемом, охватившим многие стороны общественной жизни. Он выразился не только в восстановлении ряда старых, но и в постройке новых крупных ирригационных систем. В Кокандском ханстве именно в это время приступили к использованию вод Нарына и Кара-Дарьи для орошения. Восстанавливались старые и строились новые оросительные каналы также в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. В результате значительно расширились площади орошаемых земель, что создало реальные возможности для перехода части кочевogo населения к поливному земледелию. Развитие ремесленного производства и торговли нашло свое выражение как в росте старых городов (Бухара, Самарканд, особенно Ташкент) и превращении маленьких городов в большие (Андижан, Наманган, Коканд), так и в возникновении новых городов (Катта-Курган, Чимкент и др.), ставших значительными торгово-ремесленными центрами. Развивавшиеся товарно-денежные отношения привели к возникновению низших форм капиталистического хозяйства (простой кооперации и мануфактуры). Большинство мелких враждовавших друг с другом феодальных владений, существовавших в XVII—XVIII столетиях, к середине XIX в. были объединены в составе трех ханств. Однако процесс их централизации тогда еще не завершился: внутри каждого ханства имелись отдельные полузависимые бекства, борьба за полное подчинение которых продолжалась.

Известное влияние на ускорение темпов развития Средней Азии оказывали и усиливавшиеся экономические связи с Россией. Внешняя торговля Средней Азии с Россией, существовавшая с древних времен, в начале второй половины XIX в. достигла значительного развития. Если в 1758—1760 гг. Средняя Азия ежегодно вывозила в Россию товаров на 250 тыс. руб., а ввозила на 288 тыс. руб. серебром, то за 1863—1866 гг. из Средней Азии в Россию было вывезено товаров на 25,4 млн. рублей³. Основными предметами вывоза (86%) были хлопок, пряжа, изделия из хлопка. Средняя Азия еще до ее присоединения к России превратилась в крупного поставщика хлопкового волокна для капиталистической текстильной промышленности России. Подавляющая часть других вывозимых товаров также представляла собой сырье для промышленности (шелк-сырец, шерсть, кожи, краски). За эти же годы (1863—1866) из России в Среднюю Азию было вывезено различных товаров на сумму 20,5 млн. рублей⁴. Первое место среди них занимали изделия текстильной промышленности России (70%). В Среднюю Азию

¹ См. К. Маркс. Капитал. Т. III. Госполитиздат. 1955, стр. 804.

² Так, А. Ф. Якунин в своей лекции «Народы Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX в. Присоединение Средней Азии к России» (М. 1954) пишет, что во второй половине XIX в. «экономическое и политическое развитие самих среднеазиатских государств зашло в тупик... развитие производительных сил остановилось» (стр. 21).

³ «Военно-статистический сборник». Вып. III. СПб. 1868, стр. 94, 114, 137.

⁴ Там же, стр. 95, 115, 138.

вывозились также металлы и металлические изделия, кожи и кожевенные товары, сахар. Таким образом, Средняя Азия становилась важным рынком сбыта для развивавшейся капиталистической промышленности России.

При освещении истории Средней Азии накануне ее присоединения к России отдельные авторы обычно ограничиваются констатацией самого факта отставания или застойности ее развития. В данной статье сделана попытка вскрыть некоторые из главных причин, замедлявших и без того свойственные феодализму медленные темпы развития районов орошаемого земледелия Средней Азии⁵.

Решающую причину крайне медленного развития этих районов, на наш взгляд, необходимо искать не в общих чертах, характерных для феодализма вообще, а в особенностях существовавшего здесь феодального способа производства, в первую очередь в специфике производственных отношений. Один и тот же тип производственных отношений в разных странах имеет свои особенности, которые порождаются разнообразием конкретных внутренних и внешних условий развития. Присущие производственным отношениям отличительные черты, в свою очередь, оказывают активное воздействие на развитие всех сторон общественной жизни, тормозя или ускоряя его.

В рассматриваемый период в районах орошаемого земледелия господствовал феодальный способ производства, хотя и продолжали еще сохраняться остатки рабовладельческого хозяйства, особенно в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате. В то же время налицо были ростки новых, капиталистических отношений. Специфика господствовавшего в этих районах феодального экономического строя накладывала отпечаток на все стороны развития существовавшей здесь общественной формации, тормозя, по нашему мнению, ее развитие. Здесь имелись три вида феодальной собственности на ирригационные системы, воду и землю: государственная, вакуфная и мильковая (частная).

Сущность государственной формы феодальной собственности заключалась в том, что основная часть возделывавшихся крестьянами земель (называвшихся амляковыми и хараджными) находилась в непосредственной собственности государства. Выражалось это в том, что ренту, совпадавшую на этих землях с налогом, взимало с крестьян государство, сдавая ее сбор в отдельных районах откупщикам. Специальный налоговый аппарат ежегодно учитывал площади под культурами, засевавшимися каждым крестьянином, определял предполагавшийся урожай, устанавливал для каждого хозяйства размер ренты-налога и обеспечивал поступление последнего в государственные хранилища и казну. Свое право распоряжаться рентой организовано в масштабе всего государства класс феодалов реализовал также путем предоставления отдельным феодалам права сбора его в свою пользу в течение определенного времени с той или иной группы населения. В Бухарском эмирате и Кокандском ханстве феодалы получали во владение, как правило, не конкретный участок земли, а право сбора в свою пользу ренты-налога (танхо) с земли, продолжавшей оставаться собственностью государства. Отношения вассалитета, феодальная иерархия, характерные для Западной Европы, на этой категории орошаемых земель в Средней Азии отсутствовали.

Многочисленные документы и ряд исследований по истории аграр-

⁵ Автор ограничивается освещением развития основных районов орошаемого земледелия Средней Азии (Ферганская долина, среднее и нижнее течение Зеравшана, Хорезм и Ташкентский оазис).

ных отношений в среднеазиатских ханствах⁶, по нашему мнению, свидетельствуют о том, что государственная форма феодальной собственности в рассматриваемое время была ведущей, лежала в основе существовавшего здесь феодального базиса. Правда, единой точки зрения по вопросу о месте и роли государственной формы феодальной собственности на ирригационные каналы, воду и землю до сих пор нет. Отдельные историки вообще отрицают эту форму феодальной собственности как категорию, отражающую реальные экономические отношения. П. П. Иванов высказывал в разное время различные точки зрения по этому вопросу. Анализируя аграрные отношения в Бухаре в XVI в., он писал, что государственная феодальная собственность не отражала реальных экономических отношений, поскольку «на данной категории земель, составлявших формально собственность верховной власти, между этой властью и непосредственными производителями существовало еще посредствующее звено в лице крупного землевладельца, уже от себя сдававшего государственные земли в держание крестьянам»⁷. Характеризуя земельные отношения, существовавшие в Бухарском ханстве в первой половине XIX в., П. П. Иванов указывает: «Аграрный строй Бухары, как и других среднеазиатских ханств, продолжал в основных чертах сохраняться в том виде, в каком он определился уже в XVI столетии. Все земли по признаку принадлежности по-прежнему делились на три основные категории: государственные (мемлеке, амляк, падшахи), частновладельческие (мульк, мильк) и вакуфные. Определить удельный вес каждой из указанных категорий земель в рассматриваемый период не представляется возможным, однако не подлежит сомнению, что преобладающая роль принадлежала землям государственным»⁸.

Отмечая, что большая часть земель во всех трех ханствах принадлежала феодальному государству, авторы «Истории Узбекской ССР» тем самым признают, что эта форма феодальной собственности являлась преобладающей⁹. Такой же точки зрения придерживаются К. М. Мирзаев, О. Д. Чехович и другие. И. С. Брагинский, опираясь на выводы П. П. Иванова, высказанные им в книге «Хозяйство джуйбарских шейхов», утверждает, что государственная собственность на землю в Средней Азии существовала лишь «номинально» и что эта форма феодальной собственности в сочетании с тем, что крепостничество юридически отсутствовало, «лишь прикрывала факт наличия крупного землевладения, сосредоточенного в руках феодалов»¹⁰. Далее он делает вывод, что «утверждение, будто спецификой феодализма Средней Азии является преобладание государственного феодализма,—это вредная идеализация», так как, по его мнению, в этом случае «от феодализма не остается и следа»¹¹.

Необходимую ясность в этот весьма важный вопрос вносят, на наш взгляд, приводимые ниже факты. О наличии государственных земель и экономическом их значении свидетельствуют документы о продаже бухарским эмиром именно этой категории земель в частную собственность.

⁶ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М. 1954; его же. Архив хивинских ханов XIX в. М.-Л. 1940; «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII—XIX вв.». Вып. I. Ташкент. 1954; В. Л. Вяткин. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов. Ташкент. 1928; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент. 1957; К. М. Мирзаев. Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве. Ташкент, 1954.

⁷ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов..., стр. 33.

⁸ П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии. М. 1958, стр. 131—132.

⁹ «История Узбекской ССР». Т. 1, кн. 2-я. Ташкент. 1956, стр. 16.

¹⁰ «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент. 1955, стр. 422.

¹¹ Там же, стр. 430, 564, 565.

В ряде документов указывается, что эти земли приравнивались по своему значению к государственной казне и именно этим юридически обосновывалось право эмира на их продажу. Так, в документе № 21, опубликованном в сборнике по истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, говорится: «Состоялась эта продажа после того, как упомянутые ограниченные (участки) были государственной землей и его величеству... принадлежало по закону право распоряжаться их продажей, поскольку эта государственная земля имеет значение государственной казны»¹². Идентичная формула, обосновывавшая право эмира на продажу государственных земель, содержится и в документах №№ 11, 12, 40¹³. Отчет, представленный бухарскому эмиру самаркандским беком, в котором сообщалось о собранных в счет ренты-налога свыше 85 тыс. батманов зерновых и более 150 тыс. теньга монетой, говорит о том, что рентой-налогом распоряжалось непосредственно государство. Бек извещал, какую часть из натуральных и денежных поступлений и на какие цели он израсходовал по распоряжению эмира, какое количество зерна продал и сколько денег внес в ханскую казну¹⁴. Широкое распространение в Бухарском ханстве пожалований танхо (число их в первой четверти XIX в. достигало, по одним источникам, 12 тыс., по другим — 36 тыс.)¹⁵, также свидетельствует об огромных размерах государственного фонда земель, за счет которого эти пожалования производились. Экономическое значение государственной земельной собственности в бывшем Бухарском эмирате подтверждается материалами, собранными Ю. Пославским. По данным водных органов Зеравшанской долины, из общей площади учтенных земель 333,5 тыс. десятин на долю хараджных и амляковых приходилось 203,9 тыс. десятин (61,3%), вакуфы занимали 74,2 тыс. десятин (22,2%), в частной собственности (мильк-и-хурр-и-холис) находилось 53,7 тыс. десятин (16%), остальные 1,7 тыс. десятин (0,5%) являлись личной собственностью эмира¹⁶.

Все эти факты показывают не только существование в Бухарском эмирате государственной феодальной собственности как реального экономического отношения, но и преобладание этой формы собственности. В середине XIX в. аналогичным было положение и в двух других среднеазиатских ханствах — Кокандском и Хивинском¹⁷.

Своеобразие экономического строя в районах орошаемого земледелия на рассматриваемой ступени их общественного развития в значительной степени было связано с условиями географической среды, в которых протекало производство, а главное, с порожденными этой средой условиями труда. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что в районах орошаемого земледелия именно почвенно-климатические условия сделали основой земледелия искусственное орошение. Как показали археологические исследования на территории Хорезма, Южной Туркмении, Ферганы и Зеравшана, с древнейших времен необходимость создания ирригационных систем — сооружений, требовавших коллективного труда всего населения, лежала в основе всей хозяйственной и общественной жизни этих районов. В условиях первобытнообщинного строя строительство и эксплуатация примитивных каналов, орошавших неболь-

¹² «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII—XIX вв.» Вып. 1, стр. 104.

¹³ Там же, стр. 54, 64, 188.

¹⁴ Л. Н. Соболев. Географические и статистические данные о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа. «Записки РГО по отделу статистики». Т. IV. 1874. Приложение № 6.

¹⁵ П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии, стр. 130.

¹⁶ Ю. Пославский. К аграрному вопросу в Зеравшанской области. Журнал «Народное хозяйство Средней Азии». 1926, № 11—12, стр. 25.

¹⁷ П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX в., стр. 18—20; его же. Очерки по истории Средней Азии, стр. 161—162, 186—187.

шие участки земли, были в ведении отдельных общин, использовавших труд свободных общинников. Впоследствии возникла необходимость орошения больших площадей, что можно было сделать только с помощью крупных ирригационных каналов и сооружений. Выполнение больших и сложных работ не только по подаче воды на поля, но и по систематическому поддержанию и расширению ирригационных систем не могло быть осуществлено силами отдельных общин. Потребовалось объединение труда большого числа общин.

С появлением классов и государства распоряжение коллективным трудом общинников по производству оросительных работ стало одной из функций государства. Поскольку последнее выступало организатором ирригационных работ и распределителем подававшейся по каналам оросительной воды, оно присвоило себе право собственности на ирригационные каналы и сооружения, на поступавшую по ним воду и на орошаемые ею земли. За непосредственными производителями-общинниками оставалось лишь право наследственного владения и пользования этой землей. Прежде свободные общинники попали в зависимость от государства. Феодалная форма такой зависимости крестьян от государства выражалась в том, что создаваемый ими прибавочный продукт в виде ренты-налога получало в свое распоряжение непосредственно государство.

Потребность искусственного орошения лишь при определенных социальных и производственных условиях порождала государственную собственность на ирригационные системы, воду и землю. Последняя возникала и существовала только в районах, где для орошения полей требовалось создание сложных и разветвленных ирригационных систем, которые могли бы действовать и действовали как единое водное хозяйство. Создание таких систем, регулирование подачи и распределения поступавшей по ним воды между водопользователями — деревенскими общинами, ремонт и очистка ирригационных каналов и сооружений, их расширение и реконструкция, борьба с паводками, наводнениями, маловодьем и т. д. требовали объединенных усилий большого числа людей, затрат огромного количества материалов и транспортных средств. Например, только на очистку каналов от наносов в Хорезме ежегодно затрачивалось до 1 млн. рабочих дней¹⁸. По рассказам стариков, записанным Я. Г. Гулямовым, в 1828 г. хивинский хан Аллакули-хан для прорытия нового головного участка одного из крупнейших каналов Хорезма — Палван-Яб — согнал 40 тыс. человек¹⁹.

Совместные, в известной мере планомерные работы по сооружению крупных ирригационных систем и их эксплуатации могли осуществляться лишь при централизованном руководстве. Из бесед со старыми водными специалистами Я. Г. Гулямов установил, что для проектирования новых каналов, реконструкции существовавших, консультаций при организации работ на «великих казу» (очистка головных участков основных каналов) и борьбы с прорывами Аму-Дарьи хивинский хан имел особых государственных мирабов. Эти «мирабы хана» хорошо «владели наукой фарназ (математическими расчетами.— И. Ш.) и все строили на бумаге»²⁰. В Хорезме головные участки магистральных каналов, осуществлявшие подачу воды водопользователям, целиком находились в распоряжении центрального правительства. На весеннюю очистку трех важнейших каналов Южного Хорезма — Палван-Яб, Газибад и Шахабад — ежегодно выезжал хивинский хан²¹. Для руководства очисткой

¹⁸ В. В. Цицзерлинг. Орошение на Аму-Дарье. М. 1927, стр. 573.

¹⁹ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 263.

²⁰ Там же, стр. 266.

²¹ Баяни. Шаджара и Хорезмшахи, лл. 218-а, 358-б. Цит. по Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 262.

других каналов хан назначал сахибкара и, кроме того, посылал на место кого-нибудь из высокопоставленных чиновников.

Выступая организатором и руководителем коллективного труда непосредственных производителей по сооружению ирригационных систем, их эксплуатации и распределению воды между водопользователями, господствовавший класс присваивал себе плоды их труда. Феодалы захватывали в свои руки оросительные каналы и сооружения, а наряду с этим водные ресурсы и орошенную землю, обращая их в собственность государства, а иногда и в свою частную собственность. Так, по приказанию хивинского хана Мухаммеда Амина в 1846 г. из Дарьялыка силами крестьян был выведен канал, с помощью которого был орошен большой район. 20 тыс. тананов орошенной земли хан отдал своему сыну Абдула-Тюре, который сдал их безземельным крестьянам-издольщикам за половину урожая²². В районе Шейх-Аббаса хивинский хан Сеид Мухаммед (1856—1864 гг.) восстановил старый канал и большую площадь орошенных земель превратил в вакуф²³. Один из куш-беги Кокандского ханства в середине XIX в., Мусульманкул, получив от хана Худояра ярлык на орошение невозделанных земель, через глашатаев (джарчи) объявил: «Кто хочет получить поливную землю в свое пользование и владение, пусть идет к нему рыть арыки»²⁴. Силами собравшихся безземельных и малоземельных крестьян он быстро провел все необходимые работы. Орошенная земля стала его собственностью, он роздал ее крестьянам на условиях издольной аренды, за половину урожая.

Таким образом, в условиях Средней Азии, когда орошение осуществлялось при организующей роли государства, путем сооружения крупных ирригационных систем, последние становились собственностью государства. Даже после того, как ирригационные системы были созданы, непосредственный производитель мог получать воду на свое поле только при том условии, если центральная или провинциальные власти организуют работы по эксплуатации этих систем и распределению воды. Действовавшие ирригационные системы не могли быть, подобно земле, разделены между отдельными хозяйствами. Наоборот, непременным условием получения земледельцем воды для орошения своих посевов являлось сохранение ирригационной системы как единого целого, сохранение общего водного хозяйства, а, следовательно, и государственной феодальной собственности на ирригационные каналы, сооружения и воду. «Принадлежащие всем условия действительного присвоения посредством труда, ирригационные каналы, играющие очень важную роль у азиатских народов..., представляются в этом случае делом рук высшего единства — деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами»²⁵.

Вследствие исключительной роли ирригации в земледелии и при безграничности окружающих районы орошения пустынь и степей земля без воды не могла быть непосредственным объектом собственности, поскольку ее нельзя было возделывать. Неорошенная земля была здесь «ничьей». Она являлась собственностью государства как территория, а не как средство труда, с помощью которого эксплуатировались непосредственные производители — земледельцы. Поэтому, в отличие от орошаемой земли, неорошасмая называлась «мертвой» (мават). При таком положении установление собственности на землю решалось самим фактом ее орошения, что нашло свое отражение и в шариате, представ-

²² Там же, лл. 329—330. Цит. по Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 221.

²³ П. П. Иванов. Удельные земли Сейид Мухаммед-хана Хивинского. «Записки» Института востоковедения АН СССР. Т. VI. М.-Л. 1937, стр. 43.

²⁴ «История народов Узбекистана». Т. 2. Ташкент. 1947, стр. 146.

²⁵ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М. 1940, стр. 7.

явшем собою феодальный кодекс мусульманского Востока. В нем говорилось, что «земля принадлежит тому, кто ее оросил»²⁶.

Понимая, какое значение для эксплуатации трудящихся и их политического подчинения имеет собственность на воду и на ирригационную систему, феодалы через государство установили строгий контроль за использованием естественных водных ресурсов и строительством оросительных сооружений. Не только непосредственный производитель, но и феодал при желании не мог без разрешения государства оросить какой-либо новый участок земли. Для этого нужно было получить разрешение главы государства. Это было узаконено шариатом, гласившим, что земля может быть орошена только с разрешения главы церкви — имама²⁷. Поскольку на Востоке главой церкви фактически часто был хан, то, следовательно, на орошение земли надо было получить его разрешение.

Как указывалось выше, отсюда отнюдь не следует, что в районах орошаемого земледелия, кроме государственной, не существовало других форм феодальной собственности на ирригационные каналы, сооружения, воду и землю. Каналы и сооружения, построенные с разрешения государства светскими и духовными феодалами или пожалованные им вместе с протекавшей по ним оросительной водой, являлись их частной феодальной (мильк-и-хурр-и-холис) или вакуфной собственностью. Построенные силами и средствами общин каналы и сооружения, с помощью которых они получали выделенную им государством или отдельными феодалами долю воды для орошения полей, не становились собственностью общин, а являлись их владением, потому что созданные их трудом ирригационные каналы не давали им права на присвоение прибавочного продукта. Последний присваивался государством или отдельными феодалами, из каналов которых община получала выделяемую ей долю воды. Так же обстояло дело с каналами и сооружениями крестьян, построенными непосредственно ими самими для получения выделяемой каждому из них доли воды из каналов общин. Эти крестьяне продолжали платить ренту-налог государству или ренту — феодалу, а налог — государству. Поэтому они, по существу, являлись владельцами, хотя и наследственными, построенных ими каналов и сооружений, а не их собственниками, подобно тому, как они были владельцами и пользователями земли.

Класс феодалов через государство, а отдельные феодалы, собственники мельковых земель, сами не только устанавливали для каждой общины или крестьянского хозяйства количество получаемой ими оросительной воды, перераспределяли ее между водопользователями, но при желании могли лишать (и лишали!) их этой воды, хотя у этих общин и хозяйств были построенные ими каналы для ее получения. В переписке с каршинским беком, относящейся ко второй четверти XIX в., бухарский эмир неоднократно разъяснял, что вода является собственностью государства. Он писал беку о том, как надлежит распределять воду, и указывал, что «вода находится в руках управителя»²⁸. В начале XIX в., в связи с поступившей от жителей селения Карши жалобой на захват выделенной им доли воды другими водопользователями (общинами) той же системы, хан приказал Хаким-беку распределять воду на основании установленных прав, а при пропуске воды в нижние селения лично выезжать на водораздельную плотину, рассматривая распределение воды как самое ответственное дело. При этом в арыки Майманак и Камыши приказано было пропускать по равному количеству воды²⁹.

²⁶ Хидая. Т. IV. Ташкент. 1893, стр. 102, 103, 108.

²⁷ Там же, стр. 103.

²⁸ Проф. Ф и т р а т. Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии. «Записки» Института востоковедения АН СССР. Т. 2. Л. 1933, стр. 87.

²⁹ В. Л. Вяткин. Указ. соч., стр. 25.

Имеющиеся факты свидетельствуют, что водными ресурсами бухарский эмир распоряжался как полноправный собственник. Приводя ряд распоряжений эмира (о пропуске всей воды, протекавшей по системе в нижние селения; об экстренном пропуске воды в нижние селения в течение 10 дней; о запрещении расширять посевы выше местности Хиляля, очевидно, в связи с тем, что для этой местности количество воды не предполагалось увеличивать; о привлечении крестьян на земли, расположенные ниже Хиляля, и расширении там посевов ввиду того, что туда «воды придет много»; об увеличении количества выделяемой воды в нижние селения вследствие развития там посевов кушута; об увеличении количества отпускаемой воды селению Чандыр до двух мельниц³⁰; о выделении воды группе хозяйств из рода Чала-Мангытов, которым эмир выделил землю для посева), В. Л. Вяткин делает вывод: «Вообще эмир по своему усмотрению изменял право жителей на воду»³¹.

Вода естественных водных источников в Средней Азии была также государственной собственностью. Об этом, в частности, сообщают материалы ревизии Туркестанского края, произведенной в начале XX века. «Распределителем неиспользованных для орошения вод,— указано в отчете ревизии,— всегда был в прежнее время хан или его ставленники, должностные лица»³².

Право собственности государства на воду проявлялось в форме пожалования главой государства отдельным религиозным учреждениям, представителям духовенства и гражданским лицам того или иного количества воды из ресурсов, которыми пользовались общины. Кокандский хан Мадали в 1834 г. «три с половиной воды из арыка Янги-Арык» сделал вакуфом, на что выдал соответствующий ярлык. Кокандский хан Худояр в 1847 г. в жалованной грамоте (иноят-наме) ишану Султану-Ходже указал, что ишан, кроме полного освобождения от всех податей и сборов, имеет право пользоваться «всего 4-мя мерами воды, из них двумя в селении Дигмат и двумя мерами в нижнем течении арыка Гуля-Кандоз». В XIX в. кокандский хан Мавляхан пожаловал аксакала Карахана исключительным правом собственности на воду из источника Шакар-Булак в долине Паркента: «...Ни одно существо не должно касаться этой воды. Право это должно перейти к его, аксакала, потомкам. Такое пожалование считать священным и ненарушимым»³³.

Яркой иллюстрацией монопольной собственности на воду и вытекавшего отсюда произвола правом распоряжения водными ресурсами не только оросительных систем, но и рек является факт, который наблюдало русское посольство во время его путешествия по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 годах. Однажды это посольство остановилось на ночлег в «несчастном кишлаке», недалеко от которого «возвышались развалины крепости, городских стен и жалкие остатки домов». Причина такого запустения заключалась в том, что, по распоряжению «ханской администрации», «из трех лет в продолжение двух она (деревушка.— И. Ш.) не получает ни капли воды из Шарабад-Дарьи (удаленной от нее верст на 15)». Насколько тяжелое впечатление произвел на очевидца этот факт, можно судить по словам, которыми он завершает свое сообщение: «Странное и вместе с тем страшное наказание»³⁴.

Из всего сказанного выше следует, что искусственное орошение было основой возникновения государственной феодальной собственности

³⁰ Мельница в ряде районов Средней Азии являлась водной единицей.

³¹ В. Л. Вяткин. Указ. соч., стр. 25.

³² «Орошение в Туркестане». М. 1912, стр. 450.

³³ Там же, стр. 451.

³⁴ И. А. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. СПб. 1882—1883, стр. 89.

на ирригационные системы, воду, а следовательно, и землю лишь тогда, когда создание крупных ирригационных систем, действовавших только как единое водное хозяйство, требовало коллективного труда большого числа людей, которые в феодальном обществе могли быть организованы только государством. В этих условиях орошение способствовало не только возникновению, но и укреплению и длительному сохранению государственной феодальной собственности, потому что для своего постоянного и непрерывного функционирования единая водная система требовала систематического применения коллективного труда большой массы непосредственных производителей.

В середине XIX в. государственная феодальная собственность на крупные ирригационные системы, воду и землю в Средней Азии в силу существовавшего способа производства продолжала быть объективно ведущей формой собственности. Ее наличие позволяло сохранять, обеспечивать непрерывное действие старых и строить новые крупные ирригационные системы, распределять поступавшую по ним воду между общинами. Опираясь на эту форму собственности, существовавшие здесь государства выступали как организаторы труда крестьян по строительству новых ирригационных каналов и реконструкции действовавших, по очистке и ремонту имевшихся систем, забору и распределению воды, борьбе с маловодьем, паводками и т. д. Именно таким путем, в частности в XVIII—XIX вв., были построены крупные ирригационные каналы в Ферганской долине (Шарихан-Сай, наманганский Янги-Арык, Улугнар), с помощью которых началось использование вод Нарына и Кара-Дарьи, поддерживались действовавшие и строились новые крупные оросительные каналы Хорезма и т. д.

Господство государственной феодальной собственности определило и особенности класса эксплуататоров в этих районах. Вершителем судеб являлась правящая верхушка во главе с эмиром или ханом. Подлинным собственником больших водных источников, ирригационных систем и орошаемой земли являлась ограниченная кучка крупнейших феодалов, в руках которой сосредоточивалась политическая и военная власть. К правящей группе феодалов относилось и высшее духовенство (в собственности у которого находились огромные богатства в виде ирригационных каналов, орошаемых земель, водных источников и другой недвижимости), игравшее большую роль в хозяйственной и политической жизни среднеазиатских государств. На землях, находившихся в государственной собственности, феодалы осуществляли эксплуатацию через посредство государственного, налогового и административного аппарата и военной силы. Для части этого аппарата, игравшей особую важную роль (мирабы, амлякдары и их помощники), были установлены специальные налоги (мираб-она, кафсан, кафсан-даруга). Поборы на содержание остальной части государственного аппарата никем и никогда не регламентировались. Каждый чиновник брал столько, сколько ему удавалось изъять у той части населения, над которой он был поставлен. В условиях, когда государственная феодальная собственность была ведущей, многочисленный чиновничий аппарат до амлякдаров включительно представлял собой низшую прослойку класса феодалов. Используя имевшуюся в их распоряжении политическую власть и предоставленные им возможности эксплуатации, чиновники неизбежно обзаводились участками орошенной земли или другими видами недвижимого имущества и превращались в мелких, а иногда и средних феодалов.

Порожденная условиями труда по орошению земель, государственная феодальная собственность превратилась в руках господствовавшего класса в дополнительный мощный рычаг по усилению экономического и политического господства феодалов. Специфика этих районов заключалась в том, что здесь на государстве и его провинциальных органах

лежало выполнение важнейших работ по орошению земель, без которого земледелие было невозможно. В этих условиях государство выступало организатором жизненно необходимой для населения деятельности. В районах орошаемого земледелия Востока каждая восточная деспотия, по словам Ф. Энгельса, очень хорошо знала, что она прежде всего является совокупным предпринимателем по орошению земель³⁵. От того, как выполняло государство свою общественную, необходимую непосредственным производителям функцию по орошению земель, зависела судьба не только производителей, но и класса эксплуататоров, количество присваиваемого им прибавочного продукта и вообще возможность эксплуатировать трудящихся. От этого зависело выполнение государством и других функций, ради которых оно, собственно, и создавалось классом эксплуататоров, а именно: ограбления трудящихся как своей, так и других стран.

Выполнение государством общественно необходимой функции по орошению земель объективно делало в глазах непосредственных производителей в известной мере правомерным господство класса эксплуататоров. «Только просвещенные англичане,— отмечал Ф. Энгельс,— сумели проглядеть это обстоятельство в Индии; они запустили оросительные каналы и шлюзы, и лишь теперь, благодаря регулярно повторяющимся голодовкам, они начинают, наконец, соображать, что пренебрегли единственной деятельностью, которая могла бы сделать их господство в Индии правомерным, хотя бы в такой степени, в какой было правомерно господство их предшественников»³⁶. В районах орошаемого земледелия Средней Азии отмеченная Ф. Энгельсом известная правомерность господства класса феодалов, во-первых, обуславливала устойчивое сохранение государственной формы собственности на ирригационные каналы, воду и землю; во-вторых, усиливала экономическую и политическую мощь господствующего класса, чем обеспечивалась устойчивость восточной деспотии; в-третьих, определяла необычайно высокую и притом непрерывно увеличивавшуюся степень эксплуатации крестьян и ремесленников.

В рассматриваемое время происходил противоречивый процесс развития государственной собственности. Как показывают документы об аграрных отношениях³⁷, государственная собственность постепенно разлагалась. Значительные массивы государственных земель бухарским эмиром и хивинским ханом жаловались и продавались отдельным феодалам и переходили в их собственность. В то же время в соответствии с централизаторской политикой, в целях удовлетворения требований той прослойки феодалов, которая стремилась эксплуатировать крестьян с помощью государства, а также для пополнения доходов казны, расходы из которой увеличивались по мере роста централизованных государств, ханы стремились увеличить доходы казны не только путем введения все новых и новых налогов, но и путем расширения фонда государственных земель, являвшихся основным источником доходов. Фонд государственных земель увеличивался за счет орошения новых земель. Отдельные ханы, например, бухарский эмир Насрулло (1826—1860 гг.), ввели систему яргу (конфискации имущества). По свидетельству Б. Г. Гафурова, Ахмад Дониш считал, что военное сословие, «применяя несправедливость и насилие, наложило лапу на имущество населения». Если кто-либо из ученых-богословов объявлял, что поведение какого-нибудь человека не соответствует шариату, эмир «тут же каким-либо путем приписывал ему преступление и отдавал приказ о конфискации его

³⁵ См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат. 1953, стр. 168.

³⁶ Там же.

³⁷ «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII—XIX вв.», П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX в.

имущества...»³⁸. В сообщениях Ахмада Дониша не указывается, что подвергалась конфискации и земля. Но весь характер экономических отношений того времени и роль государственной собственности на землю как основного источника государственных доходов говорят о том, что, по-видимому, в первую очередь подвергалась конфискации орошенная земля.

Особенность районов орошаемого земледелия заключалась в том, что в руках государства, кроме обычного аппарата насилия, имевшегося у любого государства классово-антагонистического общества, имелся и такой мощный рычаг воздействия на крестьян, как собственность на ирригационные системы. В хрониках приводится большое число фактов, когда ханы прекращали подачу воды, чтобы подчинить население отдельных оазисов и племен. Особенно богаты такого рода сообщениями хивинские хроники. В 1850 г. хивинский хан Сеид Мухаммед приказал построить плотину на реке Куня-Дарья, чтобы «лишить воды... тех иомутов, которые обитали в устье реки (Дарьялыка) и занимались мятежом и разбоем»³⁹. В этом же году по распоряжению хана была построена плотина на Газиабадском канале, которая закрыла поступление воды на пашни иомутов. Вследствие этого последние вынуждены были прекратить сопротивление и выдать заложников. Только после этого вода была вновь пущена на их поля⁴⁰. В 1857 г., после того, как неоднократные карательные походы против туркменских племен, живших в районе Ханабада, потерпели неудачу, Сеид Мухаммед «решил закрыть им воду и этим разорить их хозяйства и рассеять их самих»⁴¹. С прекращением пропуска воды территория Ханабада была превращена в пустыню; среди туркмен начался голод, и они подчинились хану. Этот метод борьбы с мятежными племенами широко практиковался ханами, и каждый раз после закрытия канала их вожди, «плача и раскаиваясь», приходили к хивинскому хану и соглашались выполнить все его требования⁴².

К аналогичным методам прибегали и бухарские эмиры. В конце XVIII в. Шах-Мурад дважды разрушал Мургабскую плотину, чтобы прекратить подачу воды в Мервский оазис и тем принудить к повиновению проживавшее в нем население. После того, как Шах-Мурад вторично разрушил плотину, горожане Мерва восстали против отложившегося от Бухарского ханства правителя Омар-бия и открыли ворота города эмиру⁴³.

Особенностями господствовавших производственных отношений объясняются и существовавшие в Средней Азии формы внеэкономического принуждения. Господство государственной собственности исключало необходимость прикрепления крестьян к земле. В районах орошаемого земледелия крестьяне даже тогда, когда они обрабатывали земли, находившиеся в частной собственности феодалов, не были их крепостными; феодалы не могли их покупать и продавать. Крепостного права здесь не существовало. Крестьяне были вынуждены обрабатывать государственную землю и платить ренту-налог государству в силу того, что они являлись его подданными. Налоговая зависимость наиболее ярко проявилась в Хивинском ханстве, где даже безземельные крестьяне обязаны были платить государству налог (салгыт) в размере 1 золотой тилля в год⁴⁴. Прикрепление к налоговому тяглу, как основ-

³⁸ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. Изд. 3-е. М. 1955, стр. 408—409.

³⁹ «Материалы по истории туркмен и Туркмении». Т. II. М.-Л. 1938, стр. 293.

⁴⁰ Там же, стр. 600—601.

⁴¹ Агехи. Гульшен-эд дауля. Рукопись Института востоковедения АН СССР. № 1891, л. 117-б. Цит. по Я. Г. Гулямову. Указ. соч., стр. 9.

⁴² Агехи. Шахид-и-икбал. Рукопись Института востоковедения АН СССР, № С. 572, л. 85-б. Там же.

⁴³ «История Узбекской ССР». Т. 1, кн. 2-я, стр. 45.

⁴⁴ Ор. Шкапский. Аму-Дарьинские очерки. Ташкент. 1900, стр. 133.

ная форма внеэкономического принуждения в районах орошаемого земледелия, несомненно, играло важную роль в подчинении крестьянства. Однако решающее значение имело, пожалуй, не само внеэкономическое принуждение, а большая экономическая зависимость крестьянина от организованного в государство класса феодалов. Это проявлялось, во-первых, в том, что крестьянин как получатель оросительной воды полностью зависел от класса феодалов в целом или от отдельного феодала, которые могли дать или не дать нужную ему для орошения посевов воду; во-вторых, в том, что для этих районов характерным было исключительное малоземелье или даже безземелье основной массы крестьянства, а также пауперизация значительной части городского населения.

Несвойственные для феодальной Европы трудности развития земледелия в орошаемых районах порождались, конечно, и тем, что его основой являлось искусственное орошение, осуществлявшееся с помощью больших и сложных ирригационных систем. На достигнутой в этих районах ступени развития производительных сил строительство ирригационных систем и поддержание последних было сопряжено с большими трудностями. Сооружение их длилось иногда десятилетиями. На пути развития сельского хозяйства стояла такая преграда, как ограничение размеров возделывавшейся земли рамками действовавших ирригационных систем. Строительство и эксплуатация последних зависели полностью от государства, то есть от воли класса феодалов. Всякое ослабление центральной власти сопровождалось обычно упадком ирригации, а следовательно, и орошаемого земледелия и всего общественного производства в целом. Подтверждением является, например, упадок земледелия, ремесла и торговли, обезлюдение ряда старых городов в XVIII в. в Бухарском эмирате, отмеченные В. В. Бартольд⁴⁵.

Изучаемый период в районах орошаемого земледелия Средней Азии характеризуется крайне медленным ростом площади орошаемых земель, а иногда (XVII — первая половина XVIII в.) и их сокращением. В этих условиях вследствие естественного прироста населения и деления крестьянских хозяйств неизбежно происходило дробление земельных наделов. Во многих районах Бухарского эмирата и особенно Кокандского ханства значительная часть крестьянских хозяйств пользовалась участками площадью не более 1/6 десятины. В Хивинском ханстве около половины крестьян были безземельными (беватан). Непрерывно растущее малоземелье усиливало экономическую зависимость крестьян от государства и других феодальных собственников ирригационных систем, воды и земли. К существовавшим в этих районах земельным отношениям как нельзя более подходит данная В. И. Лениным характеристика отношений пореформенной России — «земельное ростовщичество»⁴⁶. Причем последнее в районах орошаемого земледелия Средней Азии было, несомненно, значительно сильнее, чем в России, и непрерывно и интенсивно прогрессировало. Уходить в города крестьяне не могли, так как промышленность в них развивалась крайне медленно и многие горожане не находили применения своим силам. Кроме того, власть в городах находилась в руках тех же феодалов. Поэтому крестьяне среднеазиатских ханств не могли, подобно крестьянам Западной Европы в период позднего феодализма, укрыться от феодалов за стенами городов.

Таким образом, специфический вид феодальных производственных отношений сильнее сковывал развитие земледелия в орошаемых районах, чем феодальные отношения, сложившиеся в странах Европы. Характерное для среднеазиатских городов сосредоточение власти в руках феодалов также в большей мере, чем в Европе, тормозило развитие промышленности. Крестьянство в этих районах находилось в значительно

⁴⁵ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л. 1927, стр. 99, 102.

⁴⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 168.

большей экономической зависимости от государства и отдельных феодалов, чем в Европе. Вот почему здесь не было необходимости во введении крепостного права. Политическое и экономическое подчинение непосредственных производителей эксплуататорскому классу принимало в данном случае форму зависимости их от феодального государства. При государственной форме собственности, писал К. Маркс, «отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству»⁴⁷.

Прибавочный продукт, создававшийся крестьянами в районах орошаемого земледелия, и значительная часть необходимого продукта изымались в виде феодальной ренты, налогов и поборов. В изучаемый период здесь существовали все формы феодальной ренты: отработочная, продуктовая и денежная. Господствовавшей была рента продуктами, преобладание которой в течение длительного периода времени вело к застойности аграрных отношений. Для районов орошаемого земледелия характерным было то, что рента продуктами поступала в виде доли урожая. Именно издоля была основной формой изъятия прибавочного продукта государством (рента-налог), вакуфными учреждениями и отдельными феодалами. Барщина как таковая здесь отсутствовала на протяжении всего периода феодализма. Не было, следовательно, и помещичьего хозяйства, которое велось бы трудом крепостных.

Ряд исследователей⁴⁸ объяснял отсутствие барщины тем, что последняя в условиях орошаемого земледелия оказалась невыгодной для феодала вследствие высокой интенсивности земледельческого труда в поливном земледелии. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что единственной причиной, породившей господство в районах орошаемого земледелия продуктовой ренты, является ее выгодность по сравнению с отработочной. По нашему мнению, основной причиной являлась ведущая роль государственной феодальной собственности. При этой форме собственности непосредственному производителю — крестьянину — на землях, находившихся в собственности государства, противостоял класс феодалов в целом, организованный в государство, а не отдельные земельные собственники, как это имело место в Европе. В таких условиях на государственных землях барщинное помещичье хозяйство не могло возникнуть и существовать. Поэтому исключалась и отработочная рента в форме барщины. Отсутствие барщинного хозяйства на землях, находившихся в феодальной частной собственности (мильковой), объяснялось также и крайней неустойчивостью этой формы собственности в районах орошаемого земледелия, так как не только при смене правящей династии, но и при замене одного правителя другим происходила смена состава почти всего государственного аппарата, а следовательно, и состава танходаров и значительной части собственников мельков. Основной же формой феодального пожалования в Бухарском эмирате и Кокандском ханстве являлось предоставление в распоряжение отдельных феодалов части государственных доходов или права сбора в свою пользу ренты-налога с определенной площади орошенной земли (танхо).

При такой форме феодального условного пожалования эксплуатация и гнет крестьянства значительно усиливались, но ирригационные каналы, вода и земля, находившиеся во владении тех крестьян, с которых

⁴⁷ К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 804.

⁴⁸ В. В. Бартольд. К вопросу о феодализме в Иране. Журнал «Новый Восток», 1930, № 28; И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л. 1949, стр. 75; И. Рейснер. К вопросу об отставании стран зарубежного Востока к началу нового времени. «Вопросы истории», 1951, № 6, стр. 81.

государство предоставляло танходару право сбора в свою пользу ренты-налога, продолжали оставаться собственностью государства. Танходар не имел права согнать с земли возделывавших ее крестьян и организовать на этой земле свое крупное помещичье хозяйство или передать землю другим крестьянам-арендаторам, что имели право делать и делали собственники мельков и вакуфов.

Господствовавшая здесь специфическая форма изъятия ренты продуктами у крестьян непосредственно государством оказала влияние и на формы ее изъятия отдельными феодалами — частными собственниками и религиозными учреждениями. Последние получали ренту продуктами у зависимых от них крестьян также в виде доли урожая (издольная аренда). Распространение издольщины и ее сохранение было связано и с искусственным орошением. Необходимость его применения в земледелии при крайне низкой технике настолько усложняла и затрудняла организацию и ведение крупного хозяйства, что на имевшейся степени развития производительных сил орошение становилось базой мелкого и мельчайшего производства, способствовало развитию последнего.

Доля урожая, отдававшаяся крестьянами феодалам, внешне как будто ничем не отличалась от описанной К. Марксом ренты продуктами. При последней крестьянин отдавал феодалу определенное количество произведенных им продуктов, а при издольщине устанавливалось не количество отдаваемых продуктов, а доля урожая. В действительности же это различие было весьма существенным и оказывало сильное воздействие как на степень и формы эксплуатации крестьянства, так и на весь процесс развития производительных сил в районах орошаемого земледелия. Издольщина позволяла феодалам даже без увеличения взимаемой доли урожая присваивать все возрастающую массу прибавочного продукта, если иметь в виду хотя и медленный, но неуклонный рост производительности труда, происходивший в орошаемом земледелии. Кроме того, по мере усиления земельного ростовщичества и внеэкономической зависимости крестьянства здесь создавалась благоприятная обстановка для увеличения доли урожая, отдаваемой крестьянами феодалам. «В таких отсталых странах, как Туркестан», где до революции господствовали докапиталистические отношения, угнетенные массы, по словам В. И. Ленина, эксплуатировались «не только торговым капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе...»⁴⁹.

Класс феодалов в целом, эксплуатировавший крестьян через государство, делал это путем внеэкономического принуждения. В урожайные годы государство увеличивало ставки ренты-налога до половины урожая по зерновым культурам и $\frac{2}{5}$ по хлопчатнику. Если учесть, что урожай определялся амлякдаром, также заинтересованным в сборе налога, а поэтому, как правило, последний всегда завышался, то станет очевидным, что доля урожая, фактически отбираемая у крестьян, возделывавших государственные земли, была намного выше той, которая формально устанавливалась ежегодно государством. Следует заметить, что, помимо многочисленных других налогов и сборов, крестьяне по закону должны были сверх ренты-налога отдавать часть урожая на содержание многочисленного управленческого и налогового аппарата, а также аппарата, ведавшего ирригационными системами и распределением воды (мирабов). Фактически размер налога-ренты достигал не менее $\frac{2}{3}$ урожая. Подтверждением этого служила существовавшая веками практика освобождения земель от уплаты ренты-налога. Чтобы сделать часть своей земли полностью свободной от налога, феодал, частный собственник, $\frac{2}{3}$ этой земли отдавал государству с тем, чтобы оставшаяся $\frac{1}{3}$ перешла в разряд земель, полностью свободных от налога

⁴⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 217—218.

(мильк-и-хурр-и-холис)⁵⁰. Кроме того, часть своего урожая крестьяне в форме хак-оба или хак-ула должны были отдавать церкви для раздачи бедным в виде милостыни. В результате у крестьянина зачастую оставалась лишь $\frac{1}{10}$ собранного им урожая. Необходимо учитывать также, что, кроме ренты-налога, крестьянин уплачивал государству многочисленные налоги в денежной форме.

Обнищание крестьянства в районах поливного земледелия, рост малоземелья и безземелья усиливали экономическую зависимость тех крестьян, которые возделывали землю, находившуюся в частной феодальной (мильковой) собственности, и вакуфные земли. Доля урожая, отбиравшаяся феодалами у крестьян, возделывавших эти земли, устанавливалась в зависимости от того, какие элементы, необходимые для ведения хозяйства (орошенная земля, семена, рабочий скот, инвентарь и труд), принадлежали феодалам и что продолжало оставаться собственностью крестьянина. По мере развития феодализма все увеличивавшаяся часть указанных элементов сосредоточивалась в руках феодалов. Разумеется, в связи с этим возрастала и доля урожая, отдаваемая крестьянами феодалам. Поэтому соотношение между прибавочным и необходимым продуктом в районах орошаемого земледелия было для феодалов благоприятнее, чем в Европе, причем оно непрерывно изменялось в худшую для крестьян сторону. Возраставшая эксплуатация крестьян усиливала экономическую и политическую мощь феодалов и в то же время способствовала сохранению издольщины. Но последняя, создавая благоприятные условия для взимания ренты во все увеличивавшихся размерах, тем самым ограничивала возможности накопления, а следовательно, и расширения хозяйства, приводила к обнищанию основной массы крестьянства. Высокая норма эксплуатации крестьян создавала серьезную преграду для развития общественного разделения труда, простого товарного, а затем и капиталистического хозяйства.

Таким образом, существовавшая в районах орошаемого земледелия длительное время форма эксплуатации крестьян усиливала тенденцию общественного застоя. Продуктовая рента, по словам К. Маркса, «как нельзя более пригодна для того, чтобы послужить базисом застойных состояний общества, как это мы наблюдаем, напр., в Азии»⁵¹.

Как отмечалось выше, в районах орошаемого земледелия Средней Азии существовала и отработочная рента, которая имела специфическую форму, порожденную государственной феодальной собственностью. Отличительной особенностью отработочной ренты, как и ренты-налога, являлось то, что она принимала форму государственной повинности, используемой чаще всего на работах, которые были необходимы для существования самого крестьянского хозяйства (орошение, строительство и ремонт дорог, мостов и переправ через реки и каналы и т. д.). Поэтому и внеэкономическое принуждение крестьян принимало в этом случае также форму зависимости их от государства. Такая же особенность была характерна для принудительного труда крестьян и горожан, сооружавших крепостные стены, мечети, медрессы, дворцы и усадьбы ханов, правителей провинций и феодальных собственников земли — мельковладельцев и вакуфных учреждений.

С начала XIX в. появилась и стала развиваться и денежная форма феодальной ренты. Налог в денежной форме взимался не только с посевов люцерны и табака, садов и виноградников, но в ряде районов часть ренты-налога в денежной форме взималась уже с посевов зерно-

⁵⁰ «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII—XIX вв.». Вып. I. Документ № 5 и другие. Аналогичные материалы имеются и среди документов «Из архива шейхов Джуйбари», опубликованных в приложении к работе П. П. Иванова «Хозяйство джуйбарских шейхов».

⁵¹ К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 809.

вых культур. Наибольшее распространение этот вид ренты получил в Хорезме, где харадж, взимаемый с мельковых земель, был заменен салгытом — денежной податью с хозяйства, величина которого дифференцировалась в зависимости от размера площади возделываемых земель. Появление и развитие денежной ренты — свидетельство не только развития товарно-денежных отношений, все более глубоко проникавших в сельское хозяйство, но и показатель начавшегося разложения феодальных отношений. Об этом говорит и такой факт: самаркандский бек значительную часть собранного в счет хараджа зерна (22 тыс. батманов) продал на рынке за 272 тыс. тенъга⁵².

В чрезвычайно медленном развитии феодальных отношений в Средней Азии сыграла свою роль и община. Наиболее устойчиво внутренний строй общины сохранялся, как известно, именно в ряде районов Востока. А поскольку система общин в условиях господства натурального хозяйства при феодализме составляла основу феодального общества, то неподвижность, малая изменчивость общины усиливала застойный характер феодального строя. Водоземельная община в середине XIX в. существовала и в районах орошаемого земледелия Средней Азии. Однако застойность общинной организации определялась здесь не сохранявшимся, как в некоторых местах Индии, единством внутри общин земледелия и ремесла, исключавшим их из процесса общественного разделения труда и рынка. Устойчивость общины в орошаемых районах Средней Азии обуславливалась необходимостью ее как низшего звена в организации работ по строительству и эксплуатации ирригационных систем. Кроме того, община являлась также коллективным органом, который получал от государства оросительную воду и распределял ее между крестьянами.

В районах орошаемого земледелия община выполняла сложные функции как внутреннего, так и внешнего порядка. Она была непосредственным организатором работ по строительству, ремонту и очистке каналов и сооружений, находившихся в ее пользовании; она принимала участие в аналогичных мероприятиях на каналах общего пользования, являвшихся собственностью государства, а также на каналах, находившихся в собственности феодалов. Для работ, проводившихся на каналах общего пользования, община выделяла не только требуемое количество людей и транспортных средств, но зачастую и строительные материалы (лес, хворост, солому и т. д.). Посылаемых общиной людей для работ на этих каналах возглавлял мираб, являвшийся ее должностным лицом. Община распределяла выделенную государством в ее распоряжение долю оросительной воды между своими членами, устанавливала нормы, порядок и режим водопользования внутри общины и осуществляла контроль за их соблюдением. Должностные лица общины следили за составом высеваемых культур, ограничивая или даже запрещая в связи с недостатком воды посевы водолюбивых культур (риса, хлопчатника и т. д.). Этой чрезвычайно важной функцией общины в производстве и определялось ее столь длительное сохранение в районах орошаемого земледелия.

Другой причиной устойчивости общинной организации было общее владение и пользование той частью ирригационной системы и теми сооружениями, с помощью которых община получала из каналов общего пользования выделенную ей долю оросительной воды. В районах орошаемого земледелия она была прежде всего водной общиной. В основе коллективного владения и пользования выделенной государством долей воды лежал коллективный труд членов общины. Непременным условием успешного ведения земледельческого хозяйства членов общины, которые порознь использовали свою долю воды, самостоя-

⁵² Л. Н. Соболев. Указ. соч. Приложение № 6.

тельно обрабатывали находившуюся в их владении и пользовании, а иногда и в собственности землю и лично присваивали продукты своего индивидуального труда, являлось сохранение единой ирригационной системы, общего водного хозяйства, находившегося в собственности государства, феодалов и общины, а тем самым и существование как государственной феодальной собственности на ирригационные каналы и сооружения, так и общинного владения и пользования ими. Каждый крестьянин в качестве обладателя той или иной доли воды, полученной им через посредство общины, выступал лишь как совладелец и участник общего и неразделенного владения на те ирригационные каналы и сооружения, которые были владением общины. Поэтому каждый член общины практически не существовал вне и помимо этого коллектива.

Площадь обрабатываемой общинниками земли определялась долей полученной ими воды и составом высевавшихся культур. Доля участия каждого из них в коллективном труде по строительству и эксплуатации ирригационных систем определялась не площадью обрабатываемой им земли, а долей полученной воды. В этих условиях производственным базисом общины являлась, по нашему мнению, не столько земля, сколько оросительная вода. Члены общины относились к владению коллектива прежде всего как к общинному владению и пользованию выделенной ей государством долей оросительной воды. Вот почему в Средней Азии мы имеем скорее водную, чем земельную общину, или, вернее, водоземельную общину. Поскольку земельная община была коллективным владельцем и пользователем выделенной в ее распоряжение доли воды, она являлась также владельцем и пользователем орошаемой ею земли. Поэтому феодальное государство не только сохраняло, но и укрепляло права общины на владение и пользование водой и орошаемой ею землей. Феодальные государства Средней Азии, превратив общину в орган, способствовавший эксплуатации производителей, стремились сохранить ее в интересах укрепления экономического и политического господства феодалов.

В данном случае государство частично приспособляло некоторые институты, унаследованные от предшествующих формаций, к своим нуждам, видоизменяя функции и назначение этих институтов. В рассматриваемое время в районах орошаемого земледелия община держалась не только силой материальных условий производства, потребностями искусственного орошения, но и силой власти феодальных государств.

Однако под влиянием развивавшихся экономических отношений существовавшая в районах орошаемого земледелия водоземельная община постепенно разлагалась. Она утратила свое значение в регулировании земельных отношений на возделываемых землях. Эта категория земель, как правило, уже длительное время находилась в частном владении. Земли продавались и покупались, переходили по наследству, завещались и т. д. Только в отдельных районах, например в Ташкентской области, к началу второй половины XIX в. еще сохранился институт передела поливных земель. Но и в этом случае сохранившееся общинное право не устраняло, а закрепляло и тем самым углубляло сложившееся экономическое неравенство: земли делились не поровну между хозяйствами, не по едокам, а по числу выставленных каждым хозяйством кошей (парных упряжек волов). Поэтому бедняки, не имевшие рабочего скота, лишались земли, а имевшие одного вола (или лошадь) объединялись с другим однолошадным хозяйством, чтобы вместе, на два хозяйства получить один надел земли⁵³. Следовательно, по

⁵³ П. М а е в. Азиатский Ташкент. В книге «Материалы для статистики Туркестанского края». Вып. IV. СПб. 1876, стр. 271; А. Ф. М и д д е н д о р ф. Очерки Ферганской долины. СПб. 1882, стр. 423.

числу кошей на протяжении вегетационного периода делилась и оросительная вода. Не было экономического равенства внутри общин и при выполнении натуральных повинностей: богатые откупались от выделения людей для очистки и ремонта ирригационных каналов и сооружений общего пользования, и работы на последних перекладывались на бедноту⁵⁴.

Но все же община как коллективный орган, получавший выделенную ей долю воды и распределявший полученную воду между общинниками, как организатор выполнения трудовых повинностей, возлагавшихся на общину государством или феодалами — мельковладельцами и вакуфными собственниками земли, продолжала сохраняться. Эта устойчивость общины определялась условиями орошаемого земледелия, осуществлявшегося с помощью крупных ирригационных каналов.

Определенную роль в социально-экономическом развитии районов орошаемого земледелия играла в рассматриваемое время сложившаяся в Средней Азии форма государства. Все характерные стороны деспотической организации управления, в первую очередь ничем не ограниченная власть ханов, которые зачастую были верховными судьями и осуществляли высшую духовную власть, были присущи и среднеазиатским государствам. Форма управления, существовавшая в среднеазиатских ханствах, была порождена тем, что государства выполняли здесь общественную функцию по организации искусственного орошения с помощью крупных ирригационных систем. Невозможностью сохранения и обеспечения непрерывного действия последних без вмешательства государства определялась и устойчивость сложившейся в этих районах формы управления. Прочной основой последней являлась также и водоземельная община. «...Эти идиллические сельские общины,— указывал К. Маркс,— сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма...»⁵⁵.

Ведущая роль государственной феодальной собственности определила и то, что большинство городов орошаемых районов среднеазиатских ханств к 60-м годам XIX в. не играло еще такой активной роли в социально-экономическом развитии, какую играли западноевропейские города в период позднего феодализма. При господстве государственной собственности основная часть класса феодалов состояла из лиц, осуществлявших от имени государства эксплуатацию трудящихся. Поэтому большинство феодалов, в том числе и те, которые имели пожалования не только в форме танхо, но даже и в виде феодальной частной собственности, не вели своего хозяйства. Они жили в городах, где находились государственные учреждения и располагались основные военные силы. Города Средней Азии являлись одновременно центрами сосредоточения мусульманского духовенства. Бухара и Самарканд, кроме того, были местами подготовки его новых кадров. Важная роль духовных феодалов в экономической, политической и идеологической жизни районов орошаемого земледелия была обусловлена не только сосредоточением в его руках огромных водоземельных и других видов имущества. Из духовенства рекрутировались кадры для судебного аппарата, полиции нравов, осуществлявшей одновременно наблюдение за правильностью мер и весов на базарах, а также кадры учителей и воспитателей. Оседание большинства феодалов в городах приводило к тому, что подавляющая часть прибавочного продукта концентрировалась и потреблялась в городах. Поскольку в руках феодалов была сосредоточена как политическая власть, так и управление городами, многие города даже к 60-м годам XIX в. не знали самоуправления. Это также задерживало их экономическое развитие, задерживало рост общественного разделе-

⁵⁴ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 261—263.

⁵⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 9. Изд. 2-е, стр. 135.

ния труда, товарного производства и обмена, а следовательно, и возникновение буржуазных отношений.

Определенное влияние на общественно-экономическое развитие районов орошаемого земледелия оказывало и то, что в составе среднеазиатских ханств и в граничащих с ними степях проживали кочевые скотоводческие племена, находившиеся на более низкой ступени общественного развития. Феодалные отношения в районах кочевого скотоводства были скрыты под покровом сильных пережитков патриархально-родовых отношений. Верхушка кочевых племен была непосредственно заинтересована в сохранении этих пережитков. Поскольку в таких условиях продолжала существовать военная племенная организация, феодальная знать кочевых племен иногда обладала значительной военной силой, которую она использовала для грабительских набегов, в том числе и на орошаемые районы. Подобными действиями феодальная кочевая верхушка пыталась сгладить классовые противоречия внутри своих племен. Некоторые воинственные кочевые племена, главным образом туркменские, являлись поставщиками рабов для ряда районов Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Хивинский хан был заинтересован в грабительских набегах кочевых племен, так как одна пятая часть награбленной добычи, включая и захваченных пленников, передавалась ему⁵⁶. Документы архива хивинских ханов XIX в. свидетельствуют, что часть земель, принадлежавших хану, обрабатывалась трудом рабов⁵⁷. В сохранении пережитков патриархально-родовых отношений у кочевых племен была, таким образом, заинтересована и часть феодалов из районов орошаемого земледелия.

Существование кочевых племен объяснялось и трудностями перехода кочевников к оседлому образу жизни. Переход их к земледелию тормозился тем, что последнее было здесь основано на искусственном орошении, требовавшем производства больших ирригационных работ. Прирост же посевных площадей в издавна существовавших районах орошаемого земледелия был настолько незначителен, что не только пригодные для обработки земли были заняты, но и, как уже было показано выше, здесь непрерывно увеличивалось малоземелье и процветало земельное ростовщичество. Переход кочевников к земледелию практически мог быть осуществлен только в том случае, если ханы выделяли для них площади уже орошенных земель или разрешали прорыть канал и взять из реки воду для полива отведенных земель. Когда это происходило, то оседавшему племени (например туркменскому в Хивинском ханстве) выделялись обычно земли, расположенные в хвостовых, плохо обеспеченных водой частях каналов, на самой границе оазиса. К тому же на туркменские племена, селившиеся по окраинам хивинского оазиса, возлагалась обязанность охраны его границ от набегов кочевников. Самостоятельно оросить те или иные участки земли кочевники не могли, потому что вода и «мертвые» земли являлись государственной собственностью; оросить земли можно было только с разрешения хана. Ханы же, как, например, хивинский, давали такое разрешение на заведомо кабальных условиях. Оседание кочевых скотоводческих племен тормозилось также их родоплеменной знатью. Сосредоточив в своих руках большие стада скота, знать не была заинтересована в переходе к земледелию, так как это лишило бы ее рабочих рук для ухода за скотом, оставило бы ее без военной силы, которая использовалась для набегов, приносящих большие доходы.

Исторически сложившиеся условия развития Средней Азии были такими, что ее территория часто являлась районом вторжений и пере-

⁵⁶ Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 гг. Ч. II. М. 1822, стр. 118.

⁵⁷ П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX в., стр. 103—104, 110—111.

движений разных кочевых племен. Последние в большинстве своем стояли на более низкой ступени развития, чем местное оседлое население. Завоевания приводили к разрушению производительных сил, прежде всего ирригационных систем, истреблению населения, угону местных жителей, особенно из числа ремесленников, и превращению их в рабов. Ярким примером в этом отношении служит нашествие Чингисхана в начале XIII века. Набеги кочевников отрицательно сказывались на экономическом, политическом и культурном развитии районов орошаемого земледелия. При рассмотрении вопроса о роли завоеваний следует помнить, что в районах орошаемого земледелия опустошительность войн непомерно возрастала. Разрушение головных водоразборных сооружений ирригационных каналов выводило из строя всю сеть искусственного орошения, являвшегося основой земледелия, и приводило иногда к тому, что древние земледельческие районы на длительный период времени приходили в полный упадок, культурные оазисы превращались в бесплодные пустыни. Отрицательные последствия завоевания кочевниками районов орошаемого земледелия заключались также в том, что в результате завоеваний эти районы в социально-экономическом отношении отбрасывались назад. Монгольское нашествие способствовало, например, упрочению более отсталых форм феодальных отношений и укреплению рабства в районах орошаемого земледелия Средней Азии.

Развитие районов орошаемого земледелия в известной степени сковывалось тем, что состояние ирригационной системы зависело здесь от отношения к ней центральной власти. Если последняя проявляла необходимую заботу о поддержании оросительных каналов, крестьяне собирали сносы урожаи. При нерадивом отношении правительства к организации ирригационных работ плодородные оазисы превращались иногда в пустыни, крестьяне уходили в другие районы, где имелась возможность получить воду для орошения полей. Поскольку правящие династии среднеазиатских государств основывались зачастую знатно кочевых племен, стоявших на более низкой ступени развития, чем оседлое земледельческое население, факты неправильного отношения представителей правящей верхушки к ирригации были, по-видимому, довольно частыми. В этом, по нашему мнению, лежит одна из причин того, что в истории районов орошаемого земледелия периоды относительно высокого развития земледелия, садоводства, науки, культуры и искусства чередуются с временами упадка производительных сил, засилья реакционного мракобесия, фанатизма и изуверства.

Следует указать и на такое обстоятельство, как значительная изоляция районов орошаемого земледелия Средней Азии от остального мира, что также тормозило их общественно-экономическое развитие.

Таким образом, исторически сложившиеся в районах орошаемого земледелия Средней Азии производственные отношения в их специфической форме (когда ведущей являлась государственная феодальная собственность на ирригационные системы, сооружения, воду и землю) и порожденные ими специфические формы важнейших элементов надстройки, наличие значительной оторванности от остального мира, сосуществование с отсталыми кочевыми скотоводческими племенами, разрушительные вторжения последних — все эти внутренние и внешние условия оказывали тормозящее влияние на экономическое, общественно-политическое и культурное развитие народностей, населявших эти районы. В этом, на наш взгляд, и заключались главные причины как замедленных темпов развития указанных районов, так и их отсталости в период присоединения к России.
